

православія, я начинаю понимать, что исторія души Толстого—отъ ея первой фазы безрелигіозности до послѣднихъ блужданій и ненужно-злой борьбы противъ Церкви—есть суровый и грозный урокъ намъ всѣмъ. Я не знаю, осталась ли бы неукротимая, стихійно-своевольная душа Толстого въ Церкви—даже въ эпоху ранняго христіанства; скорѣе я склоненъ думать, что онъ при своемъ психологическомъ укладѣ и тогда бы откололся отъ всѣхъ. Увы, это загадочно и странно—и въ то же время такъ обычно: это все тотъ же инстинктъ власти, тотъ же деспотизмъ и гордость, которые были всегда присущи инымъ душамъ. Пусть такъ. Но одно нельзя забыть: это—успѣха проповѣди Толстого. У насъ до сихъ поръ есть много людей, которые считаютъ Толстого за истиннаго послѣдователя Христа,—и ничѣмъ инымъ, какъ страшнымъ упадкомъ религіознаго самосознанія, нельзя объяснить этого. И хочется у могилы Толстого молиться о томъ, чтобы скорѣе прошелъ соблазнъ толстовства, хочется молиться объ упокоеніи души покойнаго. А успокоиться она не сможетъ раньше, чѣмъ исчезнутъ тѣ цвѣты зла, сѣмена которыхъ онъ сѣялъ. Во имя того добраго, что зажигалъ покойникъ порой въ нашей душѣ, во имя того, что сдѣлалъ онъ для отрезвленія нашего общества отъ его безрелигіозности, во имя того смиренія, которое подчинило его могучую натуру неисповѣдимымъ путямъ Божиимъ, да проститъ ему Господь!...

В. В. Зѣньковскій.
